

КОГНИТИВНАЯ РИТОРИКА ПОТРЕБНОСТЕЙ: КАК КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА II ГОВОРИТ О ПРИМИРЕНИИ

Потапенко С.И.,

Нежинский государственный университет им. Николая Гоголя,
ул. Графская, 2-Г, г. Нежин, 16602
E-mail: serhiy.potapenko@ndu.edu.ua

Когнитивная риторика потребностей объясняет воздействующий потенциал масс-медийных текстов, объединяя базовые потребности, входящие в состав пафоса, и соответствующие им концептуальные структуры с античными этапами текстопостроения: инвенцией (выбор темы), диспозицией (аранжировка содержания) и элокуцией (вербальное оформление). Применение предложенной методики анализа демонстрируется на материале двух рождественских обращений британской королевы, посвященных идее примирения (1976 и 2014 годы).

Ключевые слова: когнитивная риторика потребностей, инвенция, диспозиция, элокуция, рождественское обращение, королева Елизавета II, примирение.

Потапенко С.І.

Когнітивна риторика потреб: як королева Єлизавета II говорить про примирення

Когнітивна риторика потреб пояснює переконувальний потенціал мас-медійних текстів через об'єднання базових потреб, що входять до складу пафосу, і відповідних їм концептуальних структур з античними етапами текстопобудови: інвенцією (вибір теми), диспозицією (аранжування змісту) й елокуцією (вербальне оформлення). Застосування запропонованої методики аналізу демонструється на матеріалі двох різдвяних звернень британської королеви, присвячених ідеї примирення (1976 і 2014 роки).

Ключові слова: когнітивна риторика потреб, інвенція, диспозиція, елокуція, різдвяне звернення, королева Єлизавета II, примирення.

S. Potapenko

Cognitive rhetoric of needs: How Queen Elizabeth II speaks about reconciliation

The cognitive rhetoric of needs explains the persuasive potential of media texts combining human needs as an element of pathos and corresponding conceptual structures with the ancient stages of text-building: invention (the choice of arguments), disposition (contents arrangement), and elocution (verbalization). The application of the suggested procedures is demonstrated by the analysis of the British Queen's 1976 and 2014 Christmas broadcasts honouring the idea of reconciliation.

The study reveals that the idea of reconciliation is connected with the safety renewal need based on two image schemas, i.e. recurring, dynamic patterns of our perceptual interactions and motor programmes: RESTRAINT REMOVAL, implying an open way to motion or force application, and CONTACT. Consequently, the linguistic units denoting reconciliation include those evoking RESTRAINT REMOVAL, motion or contact. The dispositional arrangement of the speech contents is subordinated to the safety restoration need intertwined with belongingness to a family, nation, the world or any location differing in its relation to the activity of the audience. The elocutionary choice of linguistic units rendering the idea of reconciliation is subordinated to two main tactics: inductive, drawing on the author's experience, i.e. ethos, with a subsequent generalizations, and deductive with a thesis defining reconciliation substantiated by argumentative examples representing volunteers, peace movement as well as the actions supporting a truce, Friendly Games, activities of aid workers and medical volunteers. In the 2016 broadcast the main tactics of induction and deduction are supplemented by two others: consecutive and scattered emphasis. The former presupposes the repetition of key words at the end and beginning of adjacent paragraphs (it is simply called Reconciliation — Reconciliation is the peaceful end to conflict), while the latter relates the use of key words (stretch out, reach out) in different communicative sections.

Key words: cognitive rhetoric of needs, invention, disposition, elocution, Christmas broadcast, Queen Elizabeth II, reconciliation.

Развитие гуманитарных наук характеризуется переосмыслением достижений прошлого с современных позиций. Именно этим обусловлена адаптация античной риторики к объяснению коммуникативных реалий нашего времени [2]. Современные исследователи наиболее активно привлекают две составляющие риторической традиции: каноны текстопостроения (инвенция, диспозиция, элокуция, запоминание и воспроизведение) и способы воздействия: этос как средство авторской саморепрезентации; логос, представленный аргументацией; пафос, связанный с эмоциональным влиянием [7, 2]. Наиболее радикальное переосмысление коснулось риторических способов воздействия. Логос трансформировался в различные теории аргументации [1; 11; 14]. Этос преобразуется в риторику эффекта, объясняющую способы создания впечатлений о любом референте, любыми медиа, в любом дискурсе [6, 716]. Пафос обогащается новыми средствами воздействия на чувственную сферу адресата: эмоции связываются с потребностями человека [4, 56].

Названные тенденции развития современной риторической науки в немалой степени обусловлены изменениями исследуемого материала: если античное красноречие ориентировалось исключительно на устную традицию, то современное учение учитывает влияние новых каналов коммуникации: печатного, радио, телевизионного, компьютерного. Именно они определяют формирование новых жанров выступлений, например рождественских радио- (1932) и телеобращений (1957) британских монархов.

Перед выступающими, использующими СМИ, стоят те же проблемы, что и перед создателями других масс-медийных текстов: как привлечь и удержать внимание столь разнородной аудитории. Один из способов достижения этой цели состоит в подборе для выступлений тем, связанных с базовыми потребностями реципиентов, что проявляется в формировании нового направления учения о красноречии — риторики потребностей, определяя **актуальность** этого исследования. Таким образом, **цель** этой статьи состоит в разработке исследовательского аппарата риторики потребностей, что предполагает выполнение следующих **задач**: 1) заимствовать из античной традиции каноны текстопостроения, включающие инвенцию, т. е. выбор и предварительный анализ темы; диспозицию, т. е. последовательность изложения содержания; элокуцию, связанную с вербальной орнаментацией текста; запоминание и воспроизведение [7, 2], которые в результате развития технических средств слились в единый, перформативный этап текстопостроения, трансформировавшийся в масс-медийный дискурс; 2) инкорпорировать в риторические каноны текстопостроения базовые

потребности адресата и соответствующие им концептуальные структуры; 3) с учетом канонов текстопостроения выделить четыре стадии когнитивно-риторического анализа текста: инвентивный, диспозитивный, элокутивный.

I этап анализа — **инвентивный**. Состоит в установлении потребностей, с которыми связана тема отдельного сообщения, и в последующей концептуальной реконструкции их репрезентации. Для мотивационного анализа содержания текста используем классификацию потребностей, предложенную Абрахамом Маслоу, разделившим их на физиологические, безопасности, принадлежности, репутации, самоактуализации [10, 40]. Тематику текстов соотносим с названными потребностями с помощью ключевых слов непосредственно или опосредовано. При прямой номинации слово указывает на конкретную потребность, например единицы *mother, father, child* сигнализируют о принадлежности к семье. Опосредованную связь потребностей с ключевыми словами выявляем через семантический анализ их словарных дефиниций с последующей концептуальной реконструкцией их значения. Так, выявление потребности, с которой связана идея примирения, обозначенная словом *reconciliation*, осуществляем с применением трех процедур: семантической, концептуальной и мотивационной. Семантическая процедура состоит в анализе дефиниции английского существительного *reconciliation*, трактуемого как ситуация, в которой два человека, две страны возобновляют дружеские отношения, прерванные в результате ссоры ("*a situation in which two people, countries etc become friendly with each other again after quarrel*" [9, 1372]). В приведенной дефиниции сема *friendly* указывает на симпатию и готовность к общению ("*behaving towards someone in a way that shows you like them and are ready to talk to them or to help them*" [9, 645]), а сема *quarrel* отражает злобный спор или несогласие ("*an angry argument and disagreement*") [9, 1341].

Процедура концептуального анализа направлена на реконструкцию глубинной семантики существительного *reconciliation* с применением исследовательского аппарата образ-схем, т. е. повторяющихся динамических моделей наших перцептивных взаимодействий и моторных программ, которые обеспечивают связность и структуру нашего опыта [8, XIV], что позволяет определить круг возможных единиц, передающих идею примирения. При этом учитываем, что образ-схемы фиксируют базовые отношения человека с окружающей средой в четырех перспективах, отражающих его расстояние от воспринимаемых объектов:

— соматической, т. е. в непосредственной близости от ТЕЛА как исходной точки взаимодействия с миром;

— перцептивной, учитывающей расстояние индивидов от воспринимаемых объектов;

— топологической, связанной с пространственной локализацией воспринимаемого;

— динамической, объединяющей движение и силу.

Расположение объектов относительно ТЕЛА фиксируется образ-схемами СПЕРЕДИ — СЗАДИ, СВЕРХУ — СНИЗУ, СЛЕВА — СПРАВА, ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ, БЛИЗКО — ДАЛЕКО. Перцептивная перспектива концептуализации представлена схемами, отражающими последовательность трансформации получаемых образов в результате приближения к объектам: МАССА — МНОЖЕСТВО — ИСЧИСЛЯЕМОСТЬ — ОБЪЕКТ. Локативные схемы учитывают изменения в расположении объектов внутри трехмерного пространства или за его пределами, начиная с поверхности: ПРЕДЕЛ (ПОВЕРХНОСТЬ) — КОНТЕЙНЕР — ВКЛЮЧЕНИЕ / ИСКЛЮЧЕНИЕ — СОДЕРЖИМОЕ (ПУСТОЙ / ПОЛНЫЙ). Динамические схемы представляют объекты в движении (ПУТЬ, ЦИКЛ, ВЕРТИКАЛЬ) или в силовом взаимодействии: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, КОНТАКТ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ / ЛИШЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ, ПРИНУЖДЕНИЕ, ПРИТЯЖЕНИЕ, ПРЕПЯТСТВИЕ / УСТРАНЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ.

Соответственно, в рассмотренном выше определении существительного *reconciliation* сема *quarrel* указывает на ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, а сема *friendly* — на его прекращение, соотносимое с УСТРАНЕНИЕМ / ОТСУТСТВИЕМ ПРЕПЯТСТВИЯ, имплицитующим открытый путь, что позволяет дальнейшее применение силы [8, 46], и с КОНТАКТОМ [8, 126]. Поэтому в группу средств, представляющих идею примирения, кроме существительного *reconciliation*, включаем единицы с семантикой УСТРАНЕНИЯ / ОТСУТСТВИЯ ПРЕПЯТСТВИЯ, ДВИЖЕНИЯ И КОНТАКТА.

Процедура мотивационного анализа семантики опирается на противопоставление сем *friendly* и *quarrel*, имплицитующих смену ссоры, соотносимой с ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ и угрозой, дружескими отношениями, коррелирующими с КОНТАКТОМ, т. е. идея примирения, обозначенная существительным *reconciliation*, проявляет связь с потребностью в безопасности, вернее, с ее восстановлением [5, 199].

II этап анализа — **диспозиционный**. Направлен на выявление коммуникативных блоков (КБ), линейаризующих содержание, связанное с задействованными потребностями: физиологическими, безопасности, принадлежности, репутации или самоактуализации [10, 40].

III этап анализа — **элокутивный**. Воссоздает тактики, определяющие выбор языковых средств, подчиненных способам воздействия: пафосу, предполагающему эксплицитную или имплицитную

апелляцию к потребностям посредством концептуального моделирования их семантики; этосу — через саморепрезентацию автора; логосу, обращенному к разуму.

Тактики апелляции к потребностям, связанными с пафосом, определяют употребление мотивационных языковых единиц, именуемых субъектов, деятельность которых направлена на удовлетворение базовых потребностей личности [3, 7]. Единицы этой группы идентифицируют референты на трех уровнях обобщения: суперординатном, наиболее общем; базовом, непосредственного взаимодействия с объектами; субординатном, представляющем отдельные аспекты явлений [13, 37]. С учетом направления категоризации референтов дифференцируем дедуктивные и индуктивные тактики апелляции к потребностям, которые предполагают движение от абстрактных концептов, напр. *reconciliation*, к конкретным, напр. *move*, или в противоположном направлении.

Рассмотрим применение предложенной когнитивно-риторической методики анализа текстов на материале двух рождественских обращений, посвященных идее примирения, которые британская королева Елизавета II произнесла в 1976 г. (<https://www.royal.uk/christmas-broadcast-1976>) и в 2014 г. (<https://www.royal.uk/christmas-broadcast-2014>).

В аспекте инвенции, определяющей тематику текстов, оба обращения посвящены примирению, на что указывает существительное *reconciliation* в первом предложении выступления 1976 г. (*Christmas is a time for reconciliation*) и в конце вступительного блока речи 2014 г.: *In the ruins of the old Coventry Cathedral is a sculpture of a man and a woman reaching out to embrace each other. [...] Casts of the same sculpture can be found in Belfast and Berlin, and it is simply called Reconciliation.*

Различия в последовательности изложения содержания в аспекте активизируемых потребностей устанавливаем на этапе диспозиции. Обращение 1976 г. состоит из трех основных КБ:

— вступление, определяющее понятие примирения;

— американский КБ, посвященный участию королевы в праздновании двухсотлетия США, т. е. апеллирующий к возобновлению безопасности;

— универсальный КБ, опирающийся на взаимодействие тезиса, определяющего примирение, с аргументами-примерами, обращенными к возобновлению безопасности, а также к самоактуализации во фрагменте о предстоящем юбилее королевы.

В свою очередь, обращение 2014 г. состоит из шести КБ, апеллирующих к различным потребностям, актуализируемым по степени уменьшения их воздействия на аудиторию, т. е. с учетом принадлежности. Вступительный блок, приведенный

выше, описывает скульптурное воплощение примирения (*a sculpture of a man and a woman reaching out to embrace each other*) с его последующей категоризацией существительным *reconciliation*. Второй, исторический — повествует о рождественском перемирии во время Первой мировой войны и апеллирует к потребности в глобальной безопасности. Третий, спортивный — обращен к имперской самоактуализации, иллюстрируемой олимпийскими играми стран Британского содружества. Четвертый, национальный — апеллирует к восстановлению безопасности, описывая примирение в Северной Ирландии и Шотландии. Пятый, локальный — рассматривает безопасность в отдельной части мира, охваченной смертельной эпидемией (вирус Эбола). Шестой, заключительный — содержит рождественские поздравления.

Элокутивный анализ, направленный на выявление языковых средств вербализации идеи примирения, свидетельствует, что обращение 1976 г. построено на основе чередования дедуктивной тактики во вступлении, индуктивной тактики в американском КБ и дедуктивной тактики в универсальном КБ.

Согласно дедуктивной тактике определение примирения в первом обращении сопровождается апелляцией к потребности в принадлежности к семье, обозначенной во втором утверждении словосочетанием *families and friends*: *Christmas is a time for reconciliation. A time not only for families and friends to come together but also for differences to be forgotten.*

Три индуктивные тактики в американском КБ направлены на описание визита королевы в США, истории возникновения американского государства и теплого приема, оказанного монарху. Индуктивная тактика-описание визита подчиняет единицы с семантикой контакта (*In 1976 I was reminded of the good that can flow from a friendship that is mended*), движения (*This year we went to America to join in their Bicentennial celebrations*) и устранения препятствия (*Yet that same King was among the first to recognise that old scores must be settled and differences reconciled*).

Индуктивная историческая тактика реализуется противопоставлением существительного *conflict*, обозначающего ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ между Британией и ее бывшими колониями, словосочетанию *didn't remain enemies*, существительным *reconciliation, partnership* и словосочетанию *ensured that the light of liberty*, нагромождение которых акцентирует восстановление безопасности: *And restored they were. The United States was born in bitter conflict with Britain but we didn't remain enemies for long. From our reconciliation came incalculable benefits to mankind and a partnership which, together with many countries of the Commonwealth, was proved in two world wars and ensured that the light of liberty was not extinguished.*

Индуктивная тактика приветствия реализуется существительным *welcome*, имплицитно устраняющим препятствия на уровне непосредственного контакта: *Wherever we went the welcome was the same, all the way to Boston, where the first shots in the war between Britain and America were fired.*

Универсальный КБ опирается на взаимодействие тезиса, определяющего понятие примирения, с последовательностью конкретных аргументов, отражающих реализацию тактики расширенной дедукции. Тезис содержит монаршее определение примирения: *Reconciliation, like the one that followed the American War of Independence, is the product of reason, tolerance and love [...]*, которое усиливается медицинской метафорой, обозначенной словосочетанием *heal and purify*: *It is easy enough to see where reconciliation is needed and where it would heal and purify [...]*.

При развертывании универсального блока аргументы-примеры примирения, которые актуализируют возобновление безопасности, представляют волонтеров, улучшающих взаимопонимание между людьми (*A few weeks ago, for instance, I met in my home a group of people who are working for better understanding between people [...]*), движение за мир в Северной Ирландии, названное словосочетанием *peace movement*, а его цели — существительным *reconciliation*: *Another shining example is the peace movement in Northern Ireland. Here Roman Catholics and Protestants have joined together in a crusade of reconciliation to bring peace to the Province.*

Связь примирения с самоактуализацией отражена во фрагменте, посвященном предстоящему юбилею королевы, наилучшим подарком к которому, по ее мнению, является глобальное примирение: *The gift I would most value next year is that reconciliation should be found wherever it is needed. A reconciliation which would bring peace and security to families and neighbours at present suffering and torn apart.*

Заключительный аргумент-иллюстрация примирения касается проблемы сохранения климата: в данном случае существительное *reconciliation* взаимодействует со словосочетанием *good effects* ([...] *If there is reconciliation — if we can get the climate right — the good effects will flow much more quickly than most people would believe possible*) и метафорами произрастания и цветения: *But who in Britain [...] would have believed that the grass would grow so strong, so green and so soon when the drought ended? When the conflict stops, peace can blossom just as quickly.*

Завершающее поздравление с Рождеством соотносится с идеей примирения, открывавшей обращение: *I wish you all a very happy Christmas and may the New Year bring reconciliation between all people.*

В отличие от текста, рассмотренного выше, элокутивное оформление рождественского приветствия 2014 г. опирается на структурирование отдельных КБ дедуктивной тактикой, за исключением вступления и рождественского КБ, которые опираются на индукцию.

Вступление открывается индуктивной тактикой, подчиняющей описание скульптуры мужчины и женщины, тянущихся друг к другу, суперординатной номинации *reconciliation*, категоризирующей этот образ: *In the ruins of the old Coventry Cathedral is a sculpture of a man and a woman reaching out to embrace each other [...]. Casts of the same sculpture can be found in Belfast and Berlin, and it is simply called Reconciliation.*

Военный и спортивный КБ рассматриваемого текста опираются на взаимодействие тактик последовательного акцентирования, состоящих в повторении одного и того же слова в конце и в начале двух примыкающих КБ [12, 18], и дедукции, предполагающей взаимодействие тезиса, определяющего значение понятия примирения с аргументами-примерами. Последние описывают рождественское перемирие времен Первой мировой войны глаголами *came together*, *(shooting) stopped*, *met*, категоризирующими УСТРАНЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ на базовом уровне: *Reconciliation is the peaceful end to conflict, and we were reminded of this in August when countries on both sides of the First World War came together in peace [...]. Without any instruction or command, the shooting stopped and German and British soldiers met in No Man's Land. [...] It was Christmas truce.*

Тактика последовательного акцентирования в спортивном КБ вводит тезис, определяющий понятие перемирия (*truce*), названное в конце предыдущего КБ, с аргументами-предикатами, именуемыми сенсомоторные действия, реализующие перемирие: прекращение противодействия (*battles were put on hold*), движение навстречу (*bring together*), а также поддержание межнационального диалога (*dialogue between nations*): *Truces are not a new idea. In the ancient world a truce was declared for the duration of the Olympic Games and wars and battles were put on hold. Sport has a wonderful way of bringing together people and nations [...]. It is no accident that they are known as the Friendly Games. As well as promoting dialogue between nations.*

Дедуктивная тактика в национальном КБ обуславливает взаимодействие тезиса о примирении в Северной Ирландии, обозначенного существительным *reconciliation*, с аргументом, в составе которого глагол *reach out* возвращает адресата к скульптуре, описанной в начале текста (*rather like the couple in the sculpture*), согласно тактике рассредоточенного акцентирования: *The benefits of reconciliation were closer to see when I visited Belfast in June [...]. What was once*

a prison during the troubles is now a place of hope and fresh purpose; a reminder of what is possible when people reach out to one another, rather like the couple in the sculpture. Во фрагменте, посвященном Шотландии, тезис о разных формах примирения (*reconciliation takes different forms*) взаимодействует с метафорой моста, символизирующей устранение различий (*bridging these differences*): *Of course, reconciliation takes different forms. In Scotland after the referendum many felt great disappointment, while other felt great relief, and bridging these differences will take time.*

Тактика дедукции в локальном блоке подчиняет взаимодействие тезиса о примирении в зонах конфликта с аргументами, представляющими работающих там активистов (*aid workers and medical volunteers*): *Bringing reconciliation to war or emergency zones is an even harder task, and I have been deeply touched this year by the selflessness of aid workers and medical volunteers.*

Рождественский КБ, представляющий Иисуса Христа (*Jesus Christ*) как воплощение примирения (*reconciliation*), соотносится с началом текста благодаря индуктивной тактике и фразовому глаголу *stretch out*, коррелирующему с *reach out*: *For me, the life of Jesus Christ, the Prince of Peace, whose birth we celebrate today, is an inspiration and an anchor in my life. A role-model of reconciliation and forgiveness, he stretched out his hands in love, acceptance and healing.*

В структурированном дедуктивной тактикой заключительном КБ обобщающие утверждения с существительными *reconciliation*, *truce*, *peace* и *goodwill* соотносятся с песней "Silent Night", воплощающей рождественское перемирие Первой мировой войны: *Sometimes it seems that reconciliation stands little chance in the face of war and discord. But, as the Christmas truce a century ago reminds us, peace and goodwill have lasting power in the hearts of men and women. On the chilly Christmas Eve in 1914 many of the German forces sang "Silent Night", its haunting melody inching across the line. The carol is still much-loved today, a legacy of the Christmas truce, and a reminder to us all that even in the unlikeliest places hope can still be found.*

Таким образом, анализ текстов рождественских приветствий, посвященных примирению, с применением положений когнитивной риторики потребностей, объединяющей деятельностные мотивы субъекта и соответствующие им концептуальные структуры с этапами текстостроения, приводит к двум главным выводам. Во-первых, последовательность размещения материала зависит от связи потребности, определяющей тематику, с мотивами в принадлежности, отражающими степень близости предлагаемого содержания потребностям аудитории. Во-вторых, выбор языковых средств, воплощающих глав-

ную идею, подчиняется двум основным тактикам: индукции, при которой автор, отталкиваясь от своего опыта, т. е. опираясь на этос, двигается к обобщениям, и дедукции, в соответствии с которой тезис обосновывается аргументами-примерами. В обращении 2014 г. две названные тактики дополняются двумя другими, предполагающими

повторение слов в примыкающих абзацах или в различных КБ: последовательного и рассредоточенного акцентирования соответственно. Перспектива дальнейшего исследования состоит в выявлении когнитивно-риторической организации рождественских обращений, посвященных другим темам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.А. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. на соиск. уч. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык», 10.02.19, «Общее языкознание» / А.А. Баранов. — М., 1990. — 48 с.
2. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты / А.А. Воровжбитова. — Сочи : СГУТиКД, 2000. — 317 с.
3. Данильченко І.В. Мовна особистість американського журналіста: гендерний і віковий аспекти : автореф. дис. на здоб. наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І.В. Данильченко. — Одеса, 2014. — 19 с.
4. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции / А.Н. Леонтьев // Психология мотивации и эмоций : [хрестоматия]. — М. : АСТ, Астрель, 2009. — С. 47–65.
5. Потапенко С.І. Сучасний англомовний медіа-дискурс: лінгвокогнітивний і мотиваційний аспекти : [монографія] / С.І. Потапенко. — Ніжин : Вид-во НДУ ім. М. Гоголя, 2009. — 391 с.
6. Потапенко С.И. Когнитивная риторика эффекта: методика анализа эпидейктических речей / С.И. Потапенко // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы : матер. Всерос. науч. конф. / отв. ред. вып. Л.А. Фурс. — М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. — С. 716–721.
7. Burke M. Discourse Implicature, Quintilian and the Lucidity Principle: Rhetorical phenomena in pragmatics / M. Burke // Topics in Linguistics. — 2016. — Vol. 17, № 1. — P. 1–16.
8. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M. Johnson. — Chicago; L. : The Univ. of Chicago Press, 1987. — 233 с.
9. LDCE: Longman Dictionary of Contemporary English. — Harlow : Longman, 2003. — 1948 p.
10. Maslow A. Motivation and Personality / A. Maslow. — N.Y., etc.: Harper and Row Publishers, 1970. — 368 p.
11. Perelman Ch. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. — Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1969. — 566 p.
12. Potapenko S. Rethinking Pathos: Media Rhetoric of Needs / S. Potapenko // Deeds and Days. — Kaunas, 2016. — №. 66. — P. 9–20.
13. Rosch E. Principles of categorization / E. Rosch // Cognition and Categorization. — Hillsdale, N.J. : Lawrence Erlbaum, 1978. — P. 27–48.
14. Van Eemeren F. A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-Dialectical Approach / F. Van Eemeren, R. Grootendorst. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004. — 216 p.

REFERENCES

1. Baranov, A. (1990). *Lingvisticheskaia teoriia argumentatsii (kognitivnyi podkhod)* [Linguistic Theory of Argumentation (cognitive approach)] : avtoref. diss. na soiskanie uchenoi stepeni d-ra filol. nauk: spets. 10.02.01 «Russkii yazyk», 10.02.19, «Obshchee yazykoznanie». Moscow.
2. Vorozhbitova, A. (2000). *Lingvoritoricheskaia paradigma: Teoreticheskie i prikladnyie aspekty* [Linguistic Thetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects]. Sochi: SGUTiKD.
3. Danilchenko, I. (2014). *Movna osobystist amerykanskooho zhurnalista: Hendernyi i vikovy aspekty* [Linguistic Personality of the American Journalist: Gender and Age Aspects] avtoref. dis. na zdobuttia nauk. stupenia kand. filol. nauk : spets. 10.02.04 «Hermanski movy». Odesa.
4. Leontiev, A. (2009). *Potrebnosti, motivy i emotsii* [Needs, Motives and Emotions]. *Psikhologiiia Motivatsii i Emotsii*, 47–65.
5. Potapenko, S. (2009). *Suchasnyi anhlovovnyi media-diskurs: Lingvokohnityvnyi i motyvatsiinyi aspekty* [Modern English Media Discourse: Linguistic Cognitive and Motivational Aspects]. Nizhyn: Vydavnytstvo NDU imeni Mikoly Hoholia.
6. Potapenko, S. (2013). *Kognitivnaia ritorika efekta: Metodika analiza epideikticheskikh rechei* [Cognitive Rhetoric of Effect: Methods of Analyzing Epideictic Speeches]. *Kognitivnyie Issledovaniia Yazyka. Vyp. XIV. Kognitivnaia Lingvistika: Itogi, Perspektivy: M-ly Vseros. Nauch. Konf.*, Moscow, Tambov, 716–721.

7. Burke, M. (2016). Discourse Implicature, Quintilian and the Lucidity Principle: Rhetorical Phenomena in Pragmatics. *Topics in Linguistics*, 17 (1), 1–16.
8. Johnson, M. (1987). *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago; L.: The Univ. of Chicago Press.
9. *Longman Dictionary of Contemporary English*. (2003). Harlow: Longman.
10. Maslow, A. (1970). *Motivation and Personality*. N.Y., etc.: Harper and Row.
11. Perelman, Ch., Olbrechts-Tyteca, L. (1969). *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
12. Potapenko, S. (2016). Rethinking Pathos: Media Rhetoric of Needs. *Deeds and Days*, 66, 9–20.
13. Rosch, E. (1978). Principles of Categorization. *Cognition and Categorization*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 27–48.
14. Van Eemeren, F., Grootendorst, R. (2004). *A Systematic Theory of Argumentation: The Pragmatic-Dialectical Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.